

«ЯЗЫК ВРАЖДЫ»: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ТЕРМИНА

Василенко Екатерина Николаевна
доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики
учреждения образования «Могилевский государственный
университет имени А.А. Кулешова»;
кандидат филологических наук, доцент
(г. Могилев, Беларусь)

Исследование выполнено в рамках НИР «Тенденции развития и функционирование белорусскоязычного медиадискурса в условиях глобализации и межкультурного диалога» (№ госрегистрации 20161437) подпрограммы «Белорусский язык и литература» государственной программы научных исследований «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» на 2016 – 2020 гг.

*В статье освещаются подходы к трактовке «языка вражды» (*hate speech*) как лингвистического феномена. Подчеркивается необходимость отграничения данного термина от синонимичных.*

В последние два десятилетия феномен *hate speech* получил широкое освещение в работах по гуманитарным дисциплинам. Возросший интерес исследователей к данному явлению обусловлен тем, что использование «языка вражды» несет в себе значительную социальную опасность, так как может быть формой проявления того или иного вида дискриминации или нетерпимости: расизма, ксенофобии, гомофобии, сексизма, межнациональной вражды и пр. Именно этот факт обуславливает неугасающий интерес к изучению данного явления со стороны специалистов в области юриспруденции, как зарубежных, так и отечественных.

Во многих политических документах представлено определение *hate speech*. Так, например, согласно Общеполитической рекомендации № 15 «О борьбе с языком ненависти» (принята Европейской комиссией по борьбе с расизмом и нетерпимостью 8 декабря 2015 года), «язык ненависти следует понимать как защиту, поощрение или подстрекательство, в любой форме, к унижению, вражде или поношению какого-либо лица или группы лиц, а также как любое проявление притеснений, оскорблений, создания негативных стереотипов, стигматизации или угроз в отношении такого лица или лиц и любое оправдание всех перечисленных форм выражения по признаку расы, происхождения, национальной или этнической принадлежности, возраста, инвалидности, языка, религии или убеждений, пола, гендера, гендерной идентичности, сексуальной ориентации и других личных характеристик или статуса» [1, с. 5].

Учитывая, что изучение *hate speech*, несомненно, попадает в сферу интересов не только правоведения, но и лингвистики, сам термин можно трактовать как юрислингвистический, т. е. как «слово или словосочетание юрислингвистического метаязыка, созданного для точного обозначения специальных линг-

вистических явлений, понятий и конструктов, относящихся к области правовой экспертизы» [2, с. 1376].

С такой позиции «язык вражды» трактуется, например, А. В. Гладилным как блатанная, т. е. кричащая, ярко выраженная форма коммуникации, основанная на предубеждениях и дискриминации (*prejudiced and discriminatory communication*) [3, с. 145].

На наш взгляд, более уместным для использования в лингвоюридическом пространстве представляется термин «вербальный экстремизм», что обусловлено, в первую очередь, разницей в значении понятий «вражда» и «экстремизм» [4], в то время как феномен «языка вражды» необходимо рассматривать, в первую очередь, с позиций науки о языке, а именно с точки зрения лингвоконфликтологии.

При этом использование элементов «языка вражды» в разных типах дискурса требует отдельного рассмотрения. Так, например, в политическом дискурсе, особенно в речи политической элиты общества, агрессия по отношению к оппоненту имеет, как правило, имплицитное выражение, что делает еще более значимым изучение «языка вражды» в плане коннотативного аспекта семантики языковых единиц [5].

Мы придерживаемся традиционного перевода термина *hate speech* – «язык вражды», который получил наибольшее распространение в русскоязычной научной литературе. Враждебность понимается нами, вслед за Е. П. Ильиным, как «комплексная аффективно-когнитивная черта, или ориентация личности», которая может проявляться «в эмоциях злости (гнева), отвращения и презрения с присущими им переживаниями и экспрессией, которые могут приводить к агрессивному поведению» [6, с. 254], то есть агрессивное поведение «может проистекать из чувства враждебности, мотивироваться им, но само этим чувством не является. Враждебность еще не есть агрессия <...>» [там же, с. 255].

При этом необходимо подчеркнуть, что в лингвистических работах можно встретить также такие термины, как «язык ненависти», «речь ненависти», «риторика ненависти». А. В. Денисова предлагает переводить данный термин как «речь ненавидящего», что позволит говорить о «языке вражды» как об особом дискурсивном пространстве [7, с. 221].

Вышеизложенная трактовка враждебности обуславливает и нашу позицию относительно разграничения понятий «язык вражды» и «речевая / вербальная агрессия». Во многих лингвистических исследованиях отмечается, что данные термины могут рассматриваться как синонимичные. Так, например, И. Дзялошинский отмечает, что приблизительным эквивалентом «чересчур метафорического понятия» «язык вражды» является термин «речевая агрессия», понимаемая как специфическая форма речевого поведения, мотивированная агрессивным состоянием говорящего [8, с. 106], а А. А. Кирдун и А. В. Андреева рассматривают «язык вражды» как разновидность речевой/вербальной агрессии [9, с. 101].

Разделяя точку зрения А. В. Евстафьевой, считаем, что «не смотря на множество терминов, используемых в науке для обозначения негативных высказываний (...), ни один из них не является адекватным синонимом термина «язык вражды», так как обозначает либо явление, являющееся его частным случаем, либо понятие, более широкое по объему» [10, с. 11–12].

В настоящее время не существует единого, общепризнанного определения термина «язык вражды». Для примера можно привести следующие его трактовки: «лингвистические способы выражения резко отрицательного отношения к каким-либо явлениям общественной жизни (культурным, национальным, религиозным и т. п.), а также к людям, являющимся носителями иных, противоположных автору, духовных ценностей» [11, с. 448]; обобщенное обозначение «языковых средств выражения резко негативного отношения человека по отношению к представителям иной системы религиозных, национальных, политических, социальных, культурных или же более специфических, субкультурных ценностей» [12, с. 36]; «дискриминационные, негативистские высказывания, определения, эпитеты применительно к этносу, расе, убеждениям, апеллирующие к конфликтности и разнице между национальностями или религиями и – в своей крайней форме – пропагандирующие вражду и рознь» [13, с. 811].

Как следует из представленных выше определений, неотъемлемыми компонентами содержания понятия «язык вражды» являются резко негативная окраска высказывания и его направ-

ленность на представителей иной системы ценностей или систему ценностей как таковую. В последней трактовке, предложенной Н. О. Автаевой, подчеркивается важнейшая составляющая «языка вражды» – социальная – как формы коммуникации, основанной на предубеждениях и дискриминации.

Таким образом, под «языком вражды» мы понимаем совокупность языковых средств, выражающих негативное, основанное на стереотипах или предубеждениях, отношение к адресату – носителю ценностей, отличных от ценностей адресанта, и, как следствие, вербализующих тот или иной вид дискриминации или нетерпимости.

Список использованной литературы

1. Общеполитическая рекомендация № 15 «О борьбе с языком ненависти»: [принята Европейской комиссией по борьбе с расизмом и нетерпимостью 8 декабря 2015 г.]. – Страсбург, 2016. – 75 с.
2. Ключникова, Е. Л. О природе юрислингвистического термина: постановка проблемы / Е. Л. Ключникова // Вестн. Башкирск. ун-та. – 2015. – Т. 20. – № 4. – С. 1374–1377.
3. Гладиллин, А. В. «Язык вражды» в традиционных и новых медиа / А. В. Гладиллин // Вестн. Челябинск. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. – 2013. – Вып. 80. – № 21 (312). – С. 144–153.
4. Громова, Н. С. Вербальный экстремизм: к вопросу о границах термина / Н. С. Громова // Вестн. Костромск. гос. ун-та. – 2017. – № 3. – С. 211–214.
5. Василенко, Е. Н. Языковые средства убеждения в политическом дискурсе / Е. Н. Василенко. – Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2018. – 164 с.
6. Ильин, Е. П. Психология общения и межличностных отношений / Е. П. Ильин. – СПб.: Питер, 2009. – 576 с.
7. Денисова, А. В. Правовые основы лингвистической экспертизы «языка вражды» / А. В. Денисова // Юрислингвистика. – 2011. – С. 221–227.
8. Дзялошинский, И. Кому выгодно тиражирование нетерпимости? / И. Дзялошинский // Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ / сост. А. М. Верховский. – М.: РОО «Центр «Панорама»». – 2002. – С. 100–114.
9. Кирдун, А. А. Язык вражды в современной массовой коммуникации Беларуси / А. А. Кирдун, А. В. Андреева // Вестн. Минского гос. лингвистического ун-та. Сер. 1, Филология. – 2017. – № 6 (91). – С. 100–110.
10. Евстафьева, А. В. «Язык вражды» в средствах массовой информации: лингвистические и экстралингвистические факторы функционирования: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А. В. Евстафьева; Тамбовск. гос. ун-т имени Г. Р. Державина. – Тамбов, 2009. – 26 с.
11. Кузнецова, В. В. Свобода слова и язык вражды в российских СМИ / В. В. Кузнецова, Е. Е. Соколова // Социальные варианты языка: материалы Междунар. науч. конф. – Н. Новгород, 2004. – С. 448–450.
12. Хроменков, П. Н. Лингвопрагматика конфликта: (исследование методом количественного контент-анализа): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / П. Н. Хроменков. – Москва, 2016. – 405 л.
13. Автаева, Н. О. Язык вражды в современных СМИ: гендерный аспект / Н. О. Автаева // Вестн. Нижегородск. ун-та имени Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 4 (2). – С. 811–813.